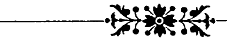
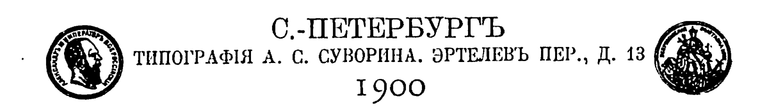
МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

ВЪ РЯЗАНИ

(1858—1860 г., 1863—1867 г.)

Барона Н. В. ДРИЗЕНА

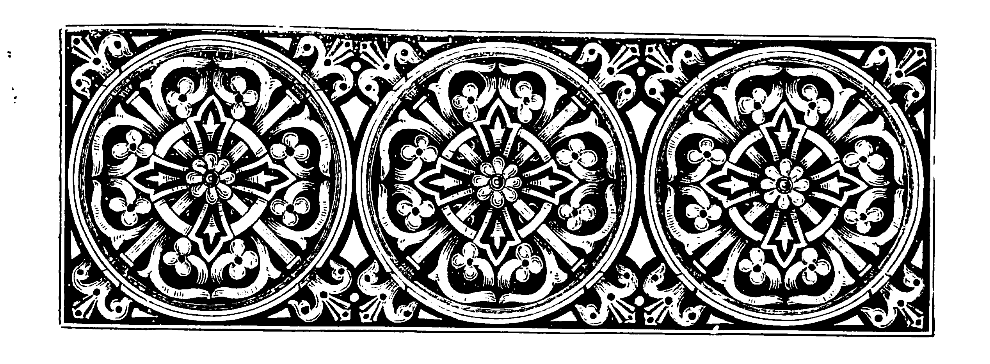
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

Дозволено цензурою 31-го января 1900 г. С.-Петербургъ.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ
(въ 1869 году).

Дозв. ценз. 26 января 1900 г. Спб.

рядъ ли многимъ извѣстно, что Салтыковъ, какъ чиновникъ, является личностью интересной, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже замѣчательной. Біографы сатирика, характеризуя этотъ періодъ его жизни, ограничивались общими взглядами его на служебную дѣятельность, но самой дѣятельности отводили очень незначительное мѣсто. Никто, сколько помнится, не заглядывалъ поглубже въ архивы тѣхъ учрежденій, гдѣ служилъ Салтыковъ, и гдѣ его недюжинныя административныя способности могли проявиться въ полной силѣ. Намъ удалось это сдѣлать. Благодаря содѣйствію нѣсколькихъ лицъ и разрѣшенію мѣстныхъ властей, мы получили возможность осмотрѣть лично весь рукописный матеріалъ, который не могъ пройти незамѣченнымъ Салтыковымъ и который, при наличныхъ условіяхъ существованія провинціальныхъ архивовъ, представлялъ «этого чиновника» въ цѣльномъ видѣ. Послѣднее обстоятельство особенно важно. Нерѣдко случается, что изслѣдователь почти набрёлъ на интересную подробность и сейчасъ сообщитъ картинѣ надлежащее освѣщеніе. Но оказывается, что дѣло. заключавшее въ себѣ эту подробность, было нѣкогда передано губернскимъ учрежденіемъ въ другое нынѣ несуществующее, или уничтожено пожаромъ, или продано на бумагу. Изслѣдователь въ отчаяніи, но покоряется своей судьбѣ. Поэтому «да не въ судъ и не въ осужденіе» будетъ поставленъ пишущему эти строки ре-

зультатъ его скромной работы, потребовавшей ни болѣе ни менѣе, какъ полтора года тщательныхъ поисковъ. Все, что при этомъ оказалось достойнымъ вниманія, было извлечено на свѣтъ Божій и обработано. Не упущены подробности и частной жизни Салтыкова въ Рязани, сохранявшіяся въ памяти немногихъ оставшихся въ живыхъ его современниковъ и любезно сообщенныя намъ въ видѣ воспоминаній. Наконецъ просмотрѣны наиболѣе важные печатные источники, въ томъ числѣ біографія М. Е. Салтыкова, составленная К. К. Арсеньевымъ (Сочиненія С., изд. 1890 г., т. IX), статья В. Семевскаго «Н. Д. Хвощинская Заіончковская» («Русская Мысль», 1890 г., окт., ноябрь и дек.) и біографія Салтыкова, составленная С. Н. Кривенко, изд. Павленкова [1]).

Салтыковъ въ Рязани служилъ два раза. Впервые онъ пріѣхалъ туда 15 апрѣля 1858 г., назначенный по высочайшему повелѣнію рязанскимъ вице-губернаторомъ [2]). Въ этой должности онъ пробылъ безъ двухъ недѣль два года и затѣмъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь 3 апрѣля 1860 г. Вторично мы видимъ Салтыкова въ Рязани уже въ 1867 г., на этотъ разъ въ качествѣ управляющаго мѣстной казенной палаты, послѣдняго этапа его служебной карьеры. Изъ Рязани онъ уѣзжаетъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ» и на службу больше не возвращается. Время перваго опредѣленія М. Е. на службу въ Рязань совпадаетъ, такъ сказать, съ предсмертной агоніей «стараго режима», уступающаго мѣсто реформамъ императора Александра II. Что это было за время,—всякому приблизительно извѣстно. Какъ всѣ переходныя эпохи, періодъ этотъ въ русской исторіи отмѣченъ ожесточенной схваткой стараго начала съ новымъ, схваткой особенно сильной въ провинціи, гдѣ преданіе и новшества съ трудомъ уживаются вмѣстѣ. Свѣжій человѣкъ, попавшій въ это время въ провинцію, дѣлался невольно участникомъ такой борьбы. Нашему поколѣнію, пользующемуся результатами прошедшаго, въ какой бы сферѣ результаты эти ни оказывались, очень трудно представить себѣ, что́ стоилъ каждый кирпичикъ нынѣ готоваго зданія рабо-

---

[1]) Пользуемся случаемъ засвидѣтельствовать нашу признательность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ составленію настоящаго очерка: гг. В. А. Атласову, А. М. Бахтіарову, П. С. Бѣлкину, Н. И. Лаппо, В. А. Перцову и А. Д. Повалишину; разнымъ образомъ представителямъ губернской администраціи: г. рязанскому вице-губернатору А. А. Лодыженскому и г. управляющему рязанскою казенною палатою М. И. Слукину, любезно раскрывавшимъ намъ двери подвѣдомственныхъ имъ архивовъ.

[2]) Высочайшій приказъ отъ 6 марта 1858 г. гласилъ такъ: «чиновникъ особыхъ порученій VI класса министерства внутреннихъ дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Салтыковъ назначается рязанскимъ вице-губернаторомъ на мѣсто ст. сов. Веселовскаго, согласно прошенію уволеннаго отъ службы съ производствомъ въ дѣйствит. ст. совѣтники».

чимъ, его складовавшимъ, архитектору, его строившему, владѣльцу, за него платившему деньги. Что касается Салтыкова, то ему удалось и ввести новое положеніе и застать еще канунъ его. Въ какомъ видѣ нашелъ онъ административную Рязань, лучше всего говоритъ результатъ министерской ревизіи 1856 г., состоявшейся до назначенія М. Е. вице-губернаторомъ. Ревизія эта, произведенная чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ Купріяновымъ, открыла много злоупотребленій, ярко рисующихъ дореформенный строй нашихъ губернскихъ учрежденій. Произволъ царствовалъ полный. «Установленныя для отчетности въ производствѣ дѣлъ книги и реэстры», если не примѣнялись вовсе, то велись съ «разными упущеніями», допускалась «крайняя медленность» даже по сенатскимъ указамъ и арестантскимъ дѣламъ; представленныя въ губернское правленіе «описи имуществамъ» оставлялись безъ разсмотрѣнія по нѣсколько мѣсяцевъ; вице-губернаторъ цѣлыхъ 4 года не производилъ ревизіи, тогда какъ по правиламъ онѣ должны производиться два раза ежегодно. Вся дѣятельность губернскаго правленія «по наблюденію за подвѣдомственными ему мѣстами» ограничивается лишь отпискою, безъ «надлежащаго настоянія» за дѣйствительнымъ исполненіемъ предписаній его. О самихъ чиновникахъ и отношеніи ихъ къ своимъ обязанностямъ нечего и говорить: оно прямо возмутительное. Чиновники особыхъ порученій передаютъ порученныя имъ слѣдствія одинъ другому, и никто не повѣряетъ ихъ. Между тѣмъ дѣла представляются иногда весьма важными, напримѣръ, подделка кредитныхъ билетовъ, или жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами, раскольничьи дѣла и пр. Когда же чиновники берутся за слѣдствія, то обнаруживаютъ крайнюю медленность и небрежное отношеніе къ дѣламъ. Вотъ примѣры: «чиновникъ Протасьевъ по нѣскольку лѣтъ не приступалъ къ порученнымъ ему слѣдствіямъ и не доставилъ требуемыхъ отъ него объясненій до перехода на службу въ другую губернію», чиновникъ Славутинскій «доносилъ губернскому правленію, будто бы у него нѣтъ дѣла, по которому посылались къ нему подтвержденія, тогда какъ оно было ему поручено». Даже чиновники, входящіе въ составъ губернскаго правленія, не исполняютъ предписаній его: «архиваріусъ по нѣскольку мѣсяцевъ не доставляетъ требуемыхъ отъ него свѣдѣній, черезъ что останавливаетъ теченіе многихъ дѣлъ»; старшій секретарь «оставляетъ безъ исполненія» данное ему губернскимъ правленіемъ предписаніе «объ освидѣтельствованіи имущества совѣстнаго суда», и губернское правленіе «ограничивается только письменными подтвержденіями», вмѣсто личнаго настоянія. Легко себѣ представить, какъ при такихъ порядкахъ вершатся дѣла. Кумовство въ полной силѣ. По дѣлу о взысканіи съ совѣтника правленія г. Щипунина по претензіи нѣкоего Казакова, въ теченіе четырехъ лѣтъ только одинъ разъ удержана часть жалованья, а затѣмъ гу-

бернское правленіе только отписывается, просьбы же Казакова оставляетъ безъ послѣдствій. Небезгрѣшнымъ въ подобныхъ порядкахъ оказывается и предшественникъ Салтыкова, вице-губернаторъ Веселовскій: онъ тоже кому-то долженъ и такъ же, какъ съ Щипуниным, казначей не дѣлаетъ ему вычетовъ изъ жалованья. «Между тѣмъ, говоритъ министерская бумага, губернское правленіе приняло на себя непринадлежащую ему власть надзора за дѣломъ Веселовскаго, производящимся по Черниговской губерніи, въ сосницкомъ окружномъ уѣздномъ судѣ». Всего этого мало. При продажѣ въ губернское правленіе съ аукціона имущества какого-то Грачева, къ торгамъ, вопреки закону, допускаются служащіе въ правленіи, при чемъ «въ нарушеніе правилъ объ аукціонныхъ продажахъ» вещи имъ выдаются безъ взысканія въ установленный срокъ денегъ, каковыя представляются по частямъ, но съ 29 декабря 1854 г. по октябрь 1856 г. «не были еще сполна взысканы». Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, кошкамъ игрушки, а мышкамъ слезки. Жалованье служащимъ въ типографіи, даже сторожамъ и вахмистру, несвоевременно выдается, якобы «по недостатку типографскихъ суммъ», а въ то же время секретарю Раклинскому выдано «изъ тѣхъ же суммъ» 260 р. серебромъ. Деньги вообще слабость чиновниковъ губернскаго правленія, свои или чужія. Въ 1843 году былъ случай, что суммы, принадлежащія частнымъ лицамъ, въ ущербъ ихъ интересамъ, не обращались по назначенію, а копились въ губернскомъ правленіи и тамъ расходовались... Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ отчетъ о ревизіи въ Петербургѣ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ то время С. С. Ланской, человѣкъ рѣдкаго ума и честности, другъ Н. А. Милютина, Д. Самарина и др. Онъ въ разныхъ формахъ выражалъ свое неудовольствіе рязанскому губернатору Клингенбергу: «Имѣя въ виду,— писалъ министръ,—что министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно подтверждало вамъ объ исполненіи предписанныхъ закономъ правилъ понужденія и взысканія, въ случаѣ бездѣйствія и неисполненія установленнаго порядка подвѣдомственными губернскому правленію мѣстами, и усматривая изъ донесенія ст. сов. Купріянова, что губернское правленіе не только не исполняетъ возложенной на него по сему предмету ст. 26 учр. губ. прав. обязанности, но въ немъ самомъ допущены по дѣламъ медленность и отступленіе отъ предписанныхъ закономъ правилъ, а потому, препровождая выписку изъ представленныхъ Купріяновымъ свѣдѣній, я прошу ваше превосходительство, съ возвращеніемъ этой выписки, доставить мнѣ въ непродолжительномъ времени надлежащее объясненіе по всѣмъ изложеннымъ въ ней замѣчаніямъ» [1]). Эффектъ, произведенный бумагой, былъ внушительный. Немедленно дѣло заслушали въ губернскомъ правленіи и

[1]) Предписаніе за № 58 отъ 4 января 1858 года (дѣла архива губернскаго правленія, 1858 г.).

постановили: разбивъ дѣлопроизводство на части, передать его на разсмотрѣніе отдѣленій правленія и канцеляріи присутствія. Перья заскрипѣли. Въ это время подоспѣлъ въ Рязань Салтыковъ и кому, какъ не ему, было расхлебывать кашу, заваренную другими. Онъ принялся за дѣло горячо, съ полнымъ сознаніемъ важности предмета. Слѣдствіе велось такимъ образомъ, что по каждому отдѣльному замѣчанію ревизіи представлялся самостоятельный докладъ вице-губернатору, который сначала его просматривалъ, а затѣмъ передавалъ на обсужденіе правленію. Тутъ-то и разгулялось перо Салтыкова. Въ одномъ дѣлѣ, по неосмотрительности писавшихъ и подписывавшихъ бумагу (точное выраженіе докладчика), требованіе объ исполненіи предписаній уѣзднаго суда подтверждалось земскому суду, тогда какъ послѣдній былъ подчиненъ первому. Салтыковъ, подчеркивая слова, поставленныя нами разрядкой, съ боку пишетъ: «Этотъ любопытный фактъ и донынѣ повторяется». Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ чиновникъ, дававшій объясненіе, медленность въ дѣлопроизводствѣ, поразившую Купріянова, объясняетъ отсутствіемъ столоначальника, въ то время уже уволеннаго отъ должности, М. Е. пишетъ на поляхъ: «Куда дѣвался столоначальникъ Соловкинъ? Я надѣюсь, что ничего этого теперь нѣтъ, а впрочемъ увижу при ревизіи, которую начну 24-го числа».

Вообще онъ обнаруживаетъ большое вниманіе къ дознаніямъ, испещряя бумагу различными замѣтками, въ родѣ: «такъ ли», «отчего нѣтъ объясненія?», «кончено ли дѣло?», «кто виноватъ?» и т. д. Вниманіе его останавливается на отдѣльныхъ выраженіяхъ, неловко употребленныхъ докладчикомъ, напримѣръ, по дѣлу купца Каншина, домъ котораго за долгъ нѣкоему Обидову назначенъ въ продажу. Докладчикъ, перечисляя обстоятельства, почему продажа не состоялась, говоритъ, что также помѣшало тому «большое количество дѣлъ въ 7-мъ столѣ». Салтыковъ дѣлаетъ замѣчаніе: «что за «также»? Когда есть другія обстоятельства, а именно о недокладѣ присутствію рапорта Скопинскаго магистрата за № 1006». Не лишено интереса замѣчаніе его по дѣлу государственнаго крестьянина Цикина, сосланнаго по общественному приговору на поселеніе. Губернское правленіе, принявъ во вниманіе отзывъ жены Цикина, что у нея есть осѣдлость, не отправило ея вмѣстѣ съ мужемъ. Доложили М. Е. Салтыкову. Онъ пишетъ: «Былъ ли въ виду какой нибудь законъ, или это теперешнее толкованіе столоначальника?» Онъ же дѣлаетъ собственноручно резюме всѣмъ объясненіямъ правленія министерству; по его словамъ, «въ настоящее время таблички съ обозначеніемъ распредѣленія занятій по столамъ, расписаніе почтовыхъ дней и пр. заведены, различныя дѣла (слѣдуетъ наименованіе дѣлъ) окончены и безпорядки, вызванные ими, на будущее время устранены». Строго поступлено относительно недоимокъ. «Разсмотрѣніе вѣдомостей имѣло послѣдствіемъ также принятіе болѣе строгихъ мѣръ къ пополненію

недоимокъ податныхъ и земскаго сбора, такъ, напримѣръ, въ два уѣзда (Спасскій и Пронскій) посланы на счетъ виновныхъ особые чиновники для пополненія недоимокъ» и т. п. Всѣмъ чиновникамъ особыхъ порученій, «на обязанности которыхъ преимущественно лежитъ производство слѣдствій», предписано «вести журналъ своихъ дѣйствій» и не далѣе 2-го числа каждаго мѣсяца «представлять журналъ тотъ въ губернское правленіе». Въ заключеніе онъ какъ будто еще боится не удовлетворить министерство своими объясненіями и старается оправдать недостаточность ихъ особыми обстоятельствами. «За выбытіемъ изъ губернскаго правленія всѣхъ членовъ и бо̀льшей части дѣлопроизводителей, при которыхъ произошли найденные г. Купріяновымъ безпорядки и упущенія, губернское правленіе болѣе подробнаго объясненія по замѣчаніямъ симъ дать не можетъ». Но и этими объясненіями въ Петербургѣ остались, повидимому, довольны. Въ министерствѣ, вѣроятно, знали, въ какихъ рукахъ находится теперь дѣлопроизводство правленія, и хотя однажды еще напомнили о желательности видѣть скорѣе нѣкоторыя дѣла законченными (предписаніе губернатору отъ 6-го мая), но на этотъ разъ въ менѣе энергичныхъ выраженіяхъ. Не довольнымъ оставался только одинъ Салтыковъ. Онъ вступалъ въ темную область обмана и взяточничества, гдѣ честный человѣкъ являлся исключеніемъ, а остальная масса тонула въ мракѣ невѣжества, произвола и безнравственности. Необходимо было все это лѣчить, и чѣмъ радикальнѣе, тѣмъ лучше, иначе зараза распространится еще глубже. И вотъ, едва освоившись на новомъ мѣстѣ, Салтыковъ приступаетъ къ реформѣ губернскаго правленія, этой, такъ сказать, артеріи всей губернской дѣятельности. Представленіе его губернатору помѣчено 7-мъ іюнемъ 1858 года, т. е. спустя мѣсяцъ по окончаніи злополучной ревизіи. «Изъ разсмотрѣнія представляемыхъ вашему превосходительству журналовъ губернскаго правленія,—пишетъ онъ,—вы изволите быть извѣстны, что поступающія въ правленіе бумаги разрѣшаются съ крайнею медленностью, вслѣдствіе чего происходитъ очевидный вредъ какъ для самаго дѣла, такъ и въ особенности для частныхъ лицъ, которыя имѣютъ прямой интересъ въ скоромъ и безпрепятственномъ разрѣшеніи подаваемыхъ отъ нихъ просьбъ. Вникая въ причины этой медленности, я нашелъ, что, кромѣ безпечности самихъ дѣлопроизводителей (къ устраненію которой я ежедневно имѣю самое дѣятельное настояніе), весьма много способствуетъ замедленію въ разрѣшеніи бумагъ неравномѣрное распредѣленіе занятій между столами губернскаго правленія». Затѣмъ Салтыковъ разсказываетъ, въ чемъ заключается эта неравномѣрность. Одинъ, напримѣръ, столъ получаетъ четвертую часть всѣхъ бумагъ, поступающихъ въ губернское правленіе, столовъ же вообще девять; «слѣдственно-судная часть» не сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, какъ слѣдовало бы для пользы дѣла, а разбросана по разнымъ отдѣ-

леніямъ и т. д. «Черезъ это,—говоритъ докладчикъ,—утрачивается между дѣлами связь, для поддержанія которой столоначальники бываютъ вынуждены безпрестанно забирать другъ у друга справки, чего никакъ не могло бы случиться, если бы однородныя дѣла сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ». Чтобы устранить подобныя неудобства, Салтыковъ придумываетъ новое распредѣленіе дѣлъ по столамъ. Перечислимъ его вкратцѣ: 1-й столъ получитъ часть инспекторскую, 2-й—часть воинскую, 3-й—арестантскую [1]); 4-й столъ—займется взысканіемъ казенныхъ сборовъ и недоимокъ, а равно взысканіемъ по требованіямъ крестьянскихъ установленій; 5-й—получитъ городское хозяйство [2]); 6-й—земское хозяйство и продовольственную часть; 7-й—возьметъ взысканіе по безспорнымъ обязательствамъ [3]); 8-й—займется разсмотрѣніемъ слѣдствій по всякаго рода проступкамъ и преступленіямъ (исключая преступленія по должности), наконецъ 9-й столъ—получитъ разсмотрѣніе проступковъ и преступленій должностныхъ лицъ. Распредѣляя дѣла по отдѣленіямъ (въ губернскомъ правленіи ихъ было три), занятія въ каждомъ представятся въ слѣдующемъ видѣ: въ 1-е отдѣленіе войдутъ дѣла исключительно распорядительныя, во 2-е—хозяйственныя, 3-е будетъ разсматривать дѣла исковыя и судныя. Такимъ образомъ, установится порядокъ, который, по мнѣнію Салтыкова, дастъ органическую связь дѣламъ между собой и который, если не ошибаемся, удержался въ правленіи до введенія положенія 8 іюня 1865 г. Нечего и говорить, губернаторъ одобрилъ реформу, а министръ утвердилъ ее [4]). Покончивъ съ внѣшнимъ обликомъ губернскаго дѣлопроизводства, М. Е. обратился къ внутреннему; тамъ тоже требовался свѣжій человѣкъ, честный и знающій. На первыхъ порахъ Салтыковъ взялъ росписи городскихъ приходо-расходовъ, и съ тѣхъ поръ городское хозяйство стало предметомъ его важнѣйшей заботы. Небезынтересньмъ поэтому представляется просмотръ самихъ росписей. Вотъ, напримѣръ, вѣдомость о невыполненныхъ расходахъ по городу Ряжску къ 1 августа 1859 г. Статьѣ: «на выписку анатомическихъ инструментовъ для городового врача за 1858 г. 30 рублей 80 копеекъ», соотвѣтствуетъ помѣта управскаго чиновника: «Деньги сіи предположено сложить по ненадобности, потому что содержаніе городской больницы зависитъ отъ совѣта градской больницы». Салтыковъ отчеркиваетъ это

---

[1]) Въ прежнемъ распорядкѣ, 3-й столъ заключалъ часть слѣдственно-судную, нынѣ переданную въ 9-й столъ, дѣла же послѣдняго, имѣющія характеръ чисто распорядительный, переданы 3-му столу.

[2]) Раньше онъ завѣдывалъ также дѣлами народной переписи и земскаго хозяйства.

[3]) Раньше ему принадлежало также взысканіе съ частныхъ лицъ въ пользу кредитныхъ установленій.

[4]) 9 іюля 1858 г., № 1511 (Архивъ губернскаго правленія 1858 г., № 61).

мѣсто и пишетъ: «Что такое, этого, кажется, сложить нельзя», и въ офиціальномъ запросѣ ряжской думы утвержденіе росписи обусловливаетъ точнымъ отвѣтомъ на вопросъ: почему не выполненъ расходъ 30 рублей 80 копеекъ на выписку анатомическихъ инструментовъ [1]). При разсмотрѣніи касимовской росписи онъ съ удивленіемъ останавливается на чрезмѣрномъ содержаніи квартирной комиссіи въ ущербъ другимъ расходамъ. Въ результатѣ вмѣсто положенныхъ градской думой 117 рублей назначаетъ всего 55 рублей [2]). Такое же точно отношеніе встрѣчаетъ роспись канцеляріи городового депутатскаго собранія, назначившаго слишкомъ большое жалованье писцу «за составленіе и продолженіе обывательской книги». «Что сдѣлано въ прошломъ году?—спрашиваетъ онъ,—дохода никакого», и не утверждаетъ росписи. Другой разъ испрашиваемый рязанской думой «расходъ на исправленіе улицъ и на зарытіе рытвинъ, могущихъ образоваться во время весенняго розлива», вызываетъ его замѣчаніе: «на улицахъ должны исправлять домохозяева», однако расходъ утверждаетъ (150 рублей). Память у него огромная, ни одна мелочь не ускользаетъ отъ его вниманія, особенно если дѣло касается желаннаго всѣми казеннаго пирога. По какому-то вопросу рязанская дума исчисляла площадь городского землевладѣнія и въ счетѣ пахатной и неудобной земли допустила неточность. Салтыковъ замѣтилъ ошибку, лично провѣрилъ ее и собственноручно исправилъ! Творческая мысль его постоянно въ движеніи, рядомъ съ пустымъ замѣчаніемъ, мелькнетъ иногда остроумный проектъ, иногда цѣлая система новаго городского хозяйства, какъ, напримѣръ, въ росписи города Раненбурга за 1859 г. Салтыковъ просмотрѣлъ смѣту городскихъ доходовъ и пишетъ на поляхъ: «Такъ какъ по вѣдомости о капиталахъ видно, что городъ Раненбургъ никакого запаснаго остаточнаго капитала не имѣетъ, между тѣмъ какъ наличность таковаго тогда бы принесла несомнѣнную для города пользу, черезъ употребленіе его на разные необходимые предметы, то предписать городской думѣ войти въ соображеніе, не представляется ли возможнымъ учредить для составленія запаснаго капитала, а равно и на удовлетвореніе другихъ полезныхъ расходовъ, которые въ настоящее время въ роспись не вносятся, какъ, напримѣръ, для освѣщенія города, улучшенія въономъ пожарной части, ввести оцѣночный въ пользу города сборъ съ обывательскихъ недвижимыхъ имуществъ, подвергая таковой оцѣнкѣ, по примѣру другихъ городовъ, дома и усадебныя земли обывателей всѣхъ сословій, и соображенія сіи представить губернскому правленію» [3]). Къ сожалѣнію, неизвѣстно, чѣмъ закончилось это интерес-

[1]) Архивъ губернскаго правленія 1859 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

ное предложеніе, впослѣдствіи ставшее обязательнымъ для всѣхъ городовъ. Большое вниманіе удѣляется М. Е. также вопросу о служащихъ, этому больному мѣсту дореформеннаго управленія. Онъ съ ними гуманенъ, но, что касается службы, требователенъ и строгъ. Передъ нами роспись г. Михайлова на 1859 г. Секретарь думы, вычислявшій годовой расходъ на постройки, обнаружилъ большую небрежность. Салтыковъ, замѣтивъ это, собственноручно пишетъ опредѣленіе... «Такъ какъ нельзя предположить, чтобы сумма на ремонтъ 6-ти мостиковъ ежегодно расходовалась неизмѣнно въ одномъ и томъ же размѣрѣ, и какъ утвержденіе противнаго доказываетъ только, что секретарь думы не взялъ на себя труда изъ книгъ думы за минувшее трехлѣтіе сдѣлать выборку всѣхъ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ, то, принимая во вниманіе скудость средствъ г. Михайлова, расходъ по этой статьѣ слѣдуетъ утвердить» и т. д. А немного дальше: «Такъ какъ изъ донесенія думы все-таки не видно, сколько именно поступало въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ доходовъ въ пользу города... предписать думѣ, чтобы секретарь ея немедленно сдѣлалъ изъ приходныхъ книгъ думы за 1855, 1856 и 1857 гг. подробную выборку, съ кого именно, когда и сколько по каждой статьѣ поступало дохода, при чемъ предварить секретаря, что если онъ и эту работу исполнитъ съ тою же небрежностью, съ какою вообще исполнена роспись, то будетъ немедленно удаленъ отъ должности». И въ заключеніе: «внушить секретарю думы Виноградову, что ежели онъ намѣренъ продолжать службу съ тою же небрежностію, какъ исполнялъ ее доселѣ, то лучше сдѣлаетъ, если совсѣмъ выйдетъ въ отставку» [1]). Тѣмъ не менѣе фамилія г. Виноградова еще долго попадаетъ въ перепискѣ г. Михайлова, слѣдовательно начальникъ и подчиненный поняли другъ друга и сжились. Любопытнымъ представляется также участіе Салтыкова въ дѣлахъ слѣдственныхъ, хотя мы должны оговориться, что то, что было сказано въ началѣ настоящаго очерка о положеніи архивнаго дѣла въ провинціи, примѣняется здѣсь въ полной силѣ. А жаль! Сколько интереснаго, поучительнаго и оригинальнаго могли бы сообщить эти пожелтѣвшія отъ времени страницы памяти Салтыкова; онъ самъ внесъ бы много характернаго для своей эпохи, особенно если судить по дѣлу бр. Хлудовыхъ, несомнѣнно интересовавшему его [2]). Дѣло это, возмутительное и по обстановкѣ и по дѣйствующимъ лицамъ, въ свое время надѣлало много шуму. Вотъ что разсказываетъ о немъ изслѣдователь рязанской старины А. Д. Повалишинъ [3]): «Не за-

[1]) Арх. губ. пр., 1859 г.

[2]) См. намекъ въ «Полн. собр. соч. Салтыкова», т. 8, стр. 328.

[3]) Статья его «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные» (Труды ряз. арх. ком., 1890 г., № 8, стр. 137).

долго до отмѣны крѣпостного права, отпускъ на волю послужилъ нѣкоторымъ помѣщикамъ средствомъ для покрытія предвидимыхъ ими уже отъ реформы потерь. Въ концѣ 1857 г. помѣщики Егорьевскаго и Захарьевскаго уѣздовъ: Аѳанасьевъ, Буковскій, Злобинъ, Улитинъ, Гадгерлондъ, Алабинъ, Мельгуновъ, Тимоѳеевъ, Веселкинъ и Брандъ, продали своихъ крестьянъ на фабрику бр. Хлудовыхъ въ Егорьевскѣ. Но такъ какъ по закону такая продажа не имѣла мѣста, ибо купцы не могли пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, то была изобрѣтена слѣдующая форма: между управленіемъ фабрики и крестьянами заключены контракты по работѣ на фабрикѣ съ выдачею помѣщикамъ впередъ всѣхъ выкупныхъ денегъ, въ видѣ аванса по заработной платѣ, за что крестьяне и должны были отработать фабрикѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Затѣмъ, совершены были отпускныя, переданныя въ управленіе фабрики. Такимъ образомъ, формально свободные люди вновь очутились въ крѣпостной зависимости у бр. Хлудовыхъ». Однако, если признать намекъ Щедрина настоящему дѣлу соотвѣтствующимъ, дѣло раскрылось раньше, нежели на это разсчитывали. Объявлена была девятая народная перепись, и всѣ такъ называемые вольные немедленно обязаны были пріобрѣсти себѣ права состоянія и приписаться къ какому нибудь обществу. «Можно себѣ представить, — говоритъ Салтыковъ, — удивленіе закабаленнаго, когда фабричное начальство погнало ихъ приписываться къ мѣщанскому обществу города Z.

— «Мы не вольноотпущенные! — возопили они въ одинъ голосъ: — мы надняхъ сами будемъ свободны... съ землей! Не хотимъ въ мѣщане!—И вслѣдъ за тѣмъ нагрянули цѣлой толпой въ губернскій городъ съ жалобами на то, что наканунѣ освобожденія ихъ сдѣлали вольными помимо ихъ желанія. Началось слѣдствіе, и тутъ же раскрылось поползновеніе Чумазова (такъ называетъ Щедринъ фабриканта), въ то время только-что начинавшаго раскидывать сѣти на всю Россію». Повторяемъ, крайне жаль, что дѣло характерное и по времени, когда оно производилось, и по лицу, которое его вело, затерялось въ архивѣ. Вмѣсто него мы можемъ предложить другое не лишенное интереса дѣло «по жалобѣ ряжскаго купца Калашникова на командира Сибирскаго полка, полковника Зеланда, въ томъ, что послѣдній цѣлымъ рядомъ противозаконныхъ дѣяній нарушилъ права, какъ его Калашникова, такъ и матери просителя, ряжской домовладѣлицы». Велъ дѣло Салтыковъ, а суть его заключалась въ слѣдующемъ. Въ августѣ 1858 г. нѣкто купецъ Калашниковъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ (Ланскому) съ жалобой, въ которой объяснялъ, что поселившимся въ домѣ его матери, на основаніи дѣйствующихъ правилъ воинскаго постоя, командиромъ Сибирскаго гренадерскаго полка, полковникомъ Зеландомъ, были причинены ему съ

семействомъ различныя стѣсненія, какъ-то: самовольно помѣщена вмѣсто назначеннаго ряжской квартирной комиссіей «оберъ-офицерскаго постоя» швальня; введено на постой вмѣсто одного три офицера; въ комнатѣ, занимаемой просителемъ, произведенъ аукціонъ и разыграна лотерея; помѣщены въ той же комнатѣ музыканты, которые «въ раннее утреннее время» громомъ барабановъ и трубъ «перепугали больную мать его и семейство», наконецъ, что всего ужаснѣе, вопреки всякимъ правиламъ приличія, произведенъ публичный «въ сѣняхъ и даже на дворѣ» медицинскій осмотръ наружныхъ болѣзней нижнихъ чиновъ, которыхъ для этой цѣли раздѣвали донага, и т. д.

Министерство внутреннихъ дѣлъ жалобу эту препроводило рязанскому губернатору (въ то время Михаилу Карловичу Клингенбергу), прося, какъ водится, доставить ему «надлежащія свѣдѣнія и заключеніе». Но губернаторъ еще до полученія жалобы зналъ содержаніе ея отъ самого Зеланда, распорядившись поручить разслѣдованіе дѣла ряжскому городничему, майору Уланъ-Полянскому. Началась переписка. Полковникъ Зеландъ писалъ губернатору, что жалоба Калашникова несправедлива, что «ввѣренный ему полкъ во все время расквартированія своего въ г. Ряжскѣ какъ отъ всѣхъ служащихъ, такъ равно и отъ жителей, пользовался вниманіемъ и радушіемъ, за исключеніемъ купеческаго сына Калашникова, который не только склонялъ мать свою къ подачѣ на него, Зеланда, кляузнаго прошенія, но даже, какъ ему извѣстно по частнымъ слухамъ, возмущаетъ городскихъ жителей къ поданію разныхъ жалобъ». На все это полковникъ Зеландъ обращаетъ вниманіе губернатора и проситъ строжайше разслѣдовать дѣло. Съ своей стороны городничій поддерживалъ мнѣніе полковника Зеланда, утверждая, что «сама Калашникова находится съ давняго времени въ разслабленномъ положеніи», почему тяжбу лично начать не могла, а началъ ее Калашниковъ, имѣющій вообще «большую наклонность къ тяжбамъ». Впрочемъ, въ виду того, что Калашниковъ подозрѣваетъ его въ единомысліи съ обвиняемыми, онъ не находитъ возможнымъ долѣе продолжать слѣдствіе. Послѣднее обстоятельство побудило губернское правленіе отослать дѣло «для дослѣдованія» чиновнику особыхъ порученій г. Лекторскому, о чемъ губернаторъ и сообщилъ министру. Тѣмъ временемъ Калашниковъ, наскучившись, вѣроятно, ждать разслѣдованія, подалъ вторичную жалобу министру, чиновнику же Лекторскому не давалъ объясненій по дѣлу, говоря, что «ждетъ чиновника отъ министра внутреннихъ дѣлъ». Въ Петербургѣ, повидимому, разсердились. 27-го декабря, за № 1856, Ланской увѣдомлялъ губернатора, что въ новой жалобѣ Калашникова усматривается, что «по огражденію упомянутыхъ имъ (раньше) стѣсненій до того времени не только не было принято никакихъ мѣръ, но, напротивъ, стѣсненія эти усилились до того, что хозяинъ со-

всѣмъ вытѣсненъ изъ своего дома. Кромѣ полковой библіотеки, назначенной къ нему, Калашникову, въ домъ по отводу квартирной комиссіи, полковой командиръ Зеландъ самовольно занялъ комнату для фехтованія эспадронами и рапирами, чѣмъ вынудилъ жену его, Калашникова, съ дѣтьми удалиться въ кухню. Затѣмъ командиръ также самовольно помѣстилъ въ домѣ римско-католическій костелъ; вновь дѣлалъ медицинскій осмотръ наружныхъ болѣзней нижнихъ чиновъ; многократно производилъ ученье солдатамъ маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ и вообще строевой службѣ. Въ концѣ концовъ самоуправство воинскихъ чиновъ достигло того, что одинъ офицеръ дозволилъ себѣ напасть на Калашникова въ его собственномъ домѣ и бить палкою и эспадрономъ, которымъ и нанесъ глубокую рану; прежде сего, ночью бросаемы были въ окна его дома камни». Къ сему проситель присовокупляетъ, что отъ описаннаго въ первомъ его прошеніи испуга жена его преждевременно разрѣшилась отъ бремени и находится въ опасномъ положеніи, а новорожденное дитя умерло.

«Посему, замѣчаетъ министръ, предварительно сношенія съ военнымъ министромъ объ удержаніи воинскихъ чиновъ отъ подобныхъ поступковъ, я предлагаю вамъ обратить особенное вниманіе на настоящее дѣло и безотлагательно распорядиться произведеніемъ строгаго и безпристрастнаго изслѣдованія по жалобамъ Калашникова, а между тѣмъ тотчасъ же принять мѣры къ огражденію просителя отъ дальнѣйшихъ стѣсненій, при чемъ всякая медленность или послабленіе остается на вашей отвѣтственности. Независимо отъ сего, по важности настоящаго дѣла, считаю нужнымъ поручить вамъ о положеніи его еженедѣльно доносить мнѣ». «Губернія» всполошилась. Тому же чиновнику особыхъ порученій Лекторскому поручено «произвесть при депутатахъ съ военной стороны» строжайшее слѣдствіе и «о немедленномъ окончаніи» донести губернскому правленію; «если же по какимъ либо обстоятельствамъ дѣло это немедленно, т. е. въ теченіе недѣли, окончено быть не можетъ, то доносить еженедѣльно правленію о препятствующихъ причинахъ окончанію того слѣдствія». Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано Лекторскому, въ случаѣ, «если хотя часть обвиненій, взводимыхъ Калашниковымъ, окажется справедливою», немедленно испросить разрѣшенія у губернскаго правленія «на производство слѣдствія надъ ряжскимъ городничимъ, допустившимъ подобнаго рода своеволія», а между тѣмъ «лично принять дѣйствительныя мѣры, чтобы со стороны воинскихъ чиновъ не было дѣлаемо никакихъ претѣсненій семейству Калашникова». Сначала слѣдствіе тормозилось немного. Квартирная комиссія и ряжскій городничій медлили доставленіемъ свѣдѣній, необходимыхъ Лекторскому, о чемъ тотъ рапортомъ доносилъ губернскому правленію, но правленіе предписало коммиссіи и городничему немедленно удовлетворить требованія чиновника

особыхъ порученій, и колеса вновь заработали. Подробное разслѣдованіе дѣла заняло около 200 страницъ; выводы писалъ самъ Салтыковъ собственноручно. Вотъ они: 1) распоряженіе о помѣщеніи въ домѣ купчихи Калашниковой швальной безъ вѣдома мѣстной квартирной коммиссіи въ противность 307 и 319 ст. уст. о з. пов. подтверждается увѣдомленіемъ самого Зеланда, который оправдывается тѣмъ, что это допущено по соглашенію съ Николаемъ Калашниковымъ, въ чемъ однако же сей послѣдній не сознается; 2) что 14-го іюля дѣйствительно была назначена г. Зеландомъ въ домъ Калашникова музыка для испытанія успѣховъ музыкантовъ при инспектированіи ихъ дивизіоннымъ капельмейстеромъ. Нѣсколько присяжныхъ показаній подтверждаютъ, что музыка началась очень рано утромъ, и хотя всѣ музыканты полка подъ присягою показали, что музыка начала играть въ 10 ч., но, по мнѣнію губернскаго правленія, музыканты, какъ лица, прикосновенныя къ дѣлу и вполнѣ подчиненныя полк. Зеланду, спрошены подъ присягою, вопреки отвода купца Калашникова, неправильно. Но если бы даже и несправедливъ былъ извѣтъ Калашникова относительно ранняго прихода музыкантовъ и происшедшаго отъ него перепуга его семейства, то это нисколько не можетъ оправдывать распоряженія г. Зеланда, ибо для школы музыкантовъ былъ отведенъ особый домъ, изъ котораго, вопреки упомянутыхъ выше статей закона, не представлялось никакого основанія выводить музыкантовъ, въ особенности же безъ согласія Калашниковой; 3) обстоятельство относительно преждевременнаго разрѣшенія отъ бремени купчихи Калашниковой вслѣдствіе недуга, послѣдовавшаго отъ внезапнаго прихода музыкантовъ, не подтвердилось, и по свидѣтельству мѣстныхъ врачей, требующему, впрочемъ, подтвержденія со стороны врачебной управы, это преждевременное разрѣшеніе произошло отъ вины самой Калашниковой, имѣвшей на нижней части живота вереда, которые вслѣдствіе раздраженія, причиненнаго излишнимъ употребленіемъ русской бани, вызвали рожу; 4) обстоятельство о производствѣ въ домѣ купчихи Калашниковой наружнаго осмотра солдатъ вполнѣ подтверждается, какъ присяжными показаніями самихъ солдатъ, такъ и сознаніемъ самого г. Зеланда. Изъ присяжныхъ свидѣтелей всѣ посторонніе люди показываютъ, что дѣйствительно видѣли нагихъ солдатъ во дворѣ дома, и что многіе изъ нихъ даже лазили въ этомъ видѣ черезъ заборъ. Солдаты же хотя и показали, что этого не было, и что они раздѣвались въ коридорѣ, но лица сіи, какъ прикосновенныя къ дѣлу, по мнѣнію губернскаго правленія, не могли быть спрошены подъ присягою, и слѣдовательно показанія ихъ лишены законной силы. Что же касается до объясненія полковника Зеланда, что означенный осмотръ допущенъ былъ въ домѣ Калашниковой потому, что до сего времени онъ производился въ ригахъ и сараяхъ, а 22 іюля былъ дождь, и нельзя было осматривать на открытомъ воздухѣ, то

объясненіе сіе, по мнѣнію губернскаго правленія, не можетъ быть признано уважительнымъ, ибо: а) если бы и въ самомъ дѣлѣ была настоятельная нужда производить осмотръ 22 іюля, и не представлялось возможности отложить его до другого дня, то г. Зеландъ могъ требовать отъ квартирной комиссіи особаго для сего помѣщенія, а не производить осмотръ самовольно въ домѣ, имѣющемъ другое назначеніе; б) доказательствомъ, что такое требованіе было совершенно удобоисполнимо, служитъ то, что когда г. Зеландомъ было написано въ квартирную комиссію объ отводѣ таковаго помѣщенія, то оно было немедленно отведено въ домѣ Никитина, и в) самая близость этого происшествія, по времени, съ случаемъ введенія въ домъ Калашниковой оркестра музыки, если не убѣждаетъ вполнѣ, то во всякомъ случаѣ навлекаетъ сомнѣніе въ томъ, что оба эти происшествія едва ли не имѣютъ между собой тѣсной связи; 5) хотя г. Розбергъ въ нанесеніи купцу Калашникову эспадрономъ раны и не сознался, но несомнѣнно однакожъ, что г. Розбергъ заходилъ въ комнату Калашникова, при чемъ имѣлъ въ рукахъ трость, которая потомъ неизвѣстно какъ оказалась въ рукахъ Калашникова, а г. Розбергъ взялъ эспадронъ, и рука Калашникова оказалась израненною, и 6) дѣйствія мѣстной полиціи во всемъ этомъ дѣлѣ были столь слабы, что при всей продолжительности изложенныхъ выше стѣсненій не было сдѣлано ею ни одного дѣйствительнаго распоряженія къ огражденію претендателей и не было донесено объ оныхъ г. начальнику губерніи до тѣхъ поръ, когда уже они сдѣлались совершенно явными. Затѣмъ, что касается прочихъ оглашеній, сдѣланнымъ Калашниковымъ при самомъ производствѣ слѣдствія, то они слѣдователемъ г. Лекторскимъ совершенно оставлены безъ вниманія, кромѣ нѣкотораго поверхностнаго обслѣдованія обстоятельства относительно квартиры самого г. Зеланда». Вслѣдствіе сего губернское правленіе, «прежде нежели дать дѣлу законный ходъ», полагало затребовать отъ г. Лекторскаго дополнительныя свѣдѣнія по обстоятельствамъ, изложеннымъ въ жалобѣ Калашникова, а равно вызвать къ объясненію и городничаго Уланъ-Полянскаго по обвиненіямъ, падающимъ на него. Въ числѣ же обвиненій есть такое, что «городничій не принялъ рапорта депутата квартирной комиссіи Фадѣева, доносившаго ему о претензіи Калашникова», а по жалобѣ послѣдняго «на нанесенную ему рану» не вошелъ въ личное разбирательство этого дѣла, но, «сославшись на то, что Калашниковъ будто бы былъ пьянъ (какъ будто бы обстоятельство это, хотя бы и могло быть доказано, лишало его права на защиту), послалъ въ домъ Калашниковой частнаго пристава» и т. д. Постановленіе губернскаго правленія сообщено было между прочимъ и министру врутреннихъ дѣлъ, но въ Петербургѣ были очевидно заинтересованы дѣломъ и не успокоились. 14 марта губернаторъ препровождалъ министру постановленіе

правленія, а уже 27 марта слѣдовалъ отвѣтъ Ланского, строго подтверждавшій ранѣе сказанное: «Не усматривая изъ сихъ отзывовъ (14 марта, 13 и 23 января), чтобы со стороны рязанскаго губернскаго начальства обращено было особенное вниманіе на скорѣйшее производство настоящаго дѣла, по важности его, я нахожусь вынужденнымъ вновь подтвердить вамъ о точномъ исполненіи предписанія 27 декабря 1858 г. за № 1856; независимо же отъ сего прошу васъ увѣдомить меня, какія приняты мѣры къ огражденію Калашникова отъ притѣсненій по воинскому постою». Клингенбергу было непріятно. Прежде всѣхъ досталось Лекторскому, которому объявленъ «выговоръ» съ занесеніемъ въ штрафную книгу и приказано «исключительно заняться дѣломъ купца Калашникова»; затѣмъ разгнѣванный министръ увѣдомленъ, что если по какимъ либо обстоятельствамъ дѣло это немедленно, т. е. въ теченіе 2 недѣль окончено быть не можетъ, то Лекторскому предписано доносить губернскому правленію еженедѣльно о причинахъ, препятствующихъ окончанію слѣдствія. Ко всему добавлено, что Лекторскому поручено «принять всѣ мѣры къ огражденію Калашникова отъ притѣсненій со стороны воинскихъ чиновъ», и наконецъ, что самъ виновникъ несчастія, полковникъ Зеландъ, съ полкомъ выступилъ изъ Ряжска въ Москву. Тѣмъ временемъ Лекторскій спѣшно заканчивалъ порученное ему слѣдствіе, результатъ котораго представилъ 1-го іюня. Слѣдствіе это много прибавило къ тому, что было разслѣдовано раньше, а именно: неправильный образъ дѣйствія квартирной комиссіи, безчинства офицеровъ и нижнихъ чиновъ Сибирскаго полка, голословныя обвиненія городничимъ Калашникова въ нетрезвомъ поведеніи, наконецъ бездѣйствіе самого городничаго во время совершенія всѣхъ этихъ поступковъ. Одно, впрочемъ, не подтвердилось: это утвержденіе Калашникова, что жена его родила отъ испуга, вызваннаго игрою военной музыки. Оказалось, по разслѣдованію ряжской врачебной управы, что жена Калашникова послѣ происшествія съ музыкой была здорова еще 4 мѣсяца, и что причиною преждевременныхъ родовъ нужно считать тифоидальную горячку и др. болѣзненныя осложненія. Постановленіе опять писалъ Салтыковъ. Не выписывая его дословно, такъ какъ въ немъ знаменитый сатирикъ не обнаруживаетъ никакой оригинальности, и строго придерживается формальной стороны дѣла, приведемъ лишь окончательное рѣшеніе правленія: 1) объ оказавшемся по дополнительному слѣдствію донести г. министру внутреннихъ дѣлъ, испрашивая разрѣшенія относительно дальнѣйшаго хода этого дѣла; 2) ряжскаго городничаго Уланъ-Полянскаго за совершенное бездѣйствіе власти предать суду рязанской уголовной палаты, для чего отослать въ оную формулярный о службѣ его списокъ и изложить подробно всѣ обстоятельства, до него, городничаго, относящіяся, и 3) депутатамъ ряжской квартирной комиссіи (слѣдуютъ фамиліи) за не-

правильныя дѣйствія къ отводу г. Зеланду квартиры сдѣлать выговоръ съ внесеніемъ въ штрафную книгу». Затѣмъ дѣло пошло своимъ обычнымъ ходомъ. Обвиненія, предъявленныя г. Зеланду, поступили на разсмотрѣніе его военнаго начальства, и неизвѣстно, оправдался ли полковникъ или нѣтъ (свѣдѣній объ этомъ въ дѣлѣ не находится); рѣшеніе же по дѣлу бывшаго городничаго послѣдовало 19 мая 1861 г., но уже не застало майора въ живыхъ: онъ умеръ до объявленія приговора. Тѣмъ не менѣе вдовѣ ею было сообщено, что судъ, разсмотрѣвъ дѣло ея мужа, настаивалъ сдѣлать ему замѣчаніе.

Въ Рязани Салтыковъ жилъ очень скромно, занимая особнякъ на углу Астраханской и Александровской улицы въ нынѣшнемъ домѣ Морозова. Поглощенный служебными дѣлами, онъ имѣлъ очень ограниченный кругъ знакомыхъ, среди которыхъ семья его собрата по перу Н. Д. Хвощинскій-Заіончковской занимала первое мѣсто. Изъ ея переписки съ М. Е. мы, однако, собственно о рязанской жизни узнаемъ крайне мало, да и то самое характерное относится къ вторичному пребыванію его въ Рязани, о которомъ будетъ сказано послѣ. Какъ начальникъ, М. Е. былъ по общимъ отзывамъ очень строгій, хотя подъ суровой внѣшностью и билось очень доброе и отзывчивое сердце. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай подольше остановиться на отношеніяхъ его къ низшимъ служащимъ, теперь же не лишнее замѣтить, что гуманность относительно «маленькихъ» составляла едва ли не самую выдающуюся черту его служебной дѣятельности. Насколько попадало старшимъ, не исключая иногда даже совѣтниковъ губернскаго правленія [1]), настолько «мелкота» находила всегда отзвукъ въ его душѣ, гордой и свободолюбивой, не мирившейся съ мракомъ невѣжества окружающаго, но изгонявшей этотъ мракъ не палкой дядьки фельдфебеля, а страстной филиппикой учителя-гуманиста. «Бывало придетъ М. Е. въ губернское правленіе,—разсказывалъ намъ бывшій его сослуживецъ г. Бѣлкинъ,—еще изъ передней слышится его кашель,—пройдетъ по канцеляріи такой суровый, мрачный,—кажется, гроза пронеслась,—а ничего, не стоитъ обращать вниманіе, это съ виду, въ сущности же самый благодушный человѣкъ. А что вотъ насчетъ дѣла, то строгъ! Подавай ему все сразу, не ройся кругомъ, а главное знай, что докладываешь. Тоже безграмотность не терпѣлъ. Какъ увидитъ ошибки, перечеркнетъ всю бумагу и обратно, а то самъ напишетъ. Память у него была огромная, кажется, все помнилъ, даже что случилось много до него.

---

[1]) По словамъ покойнаго А. М. Варницкаго, бывшаго въ 1858—1859 гг. непремѣннымъ членомъ нынѣ упраздненнаго приказа общественнаго призрѣнія, Салтыковъ, будучи вице-губернаторомъ, велъ сильную борьбу съ чиновниками губернскаго правленія и особенно съ нѣкіимъ совѣтникомъ онаго, относительно взяточничества (слышано отъ Н. Лаппо).

И сообразительность какая! Вспомнится, возьметъ онъ этакъ бумагу прямо съ почты (разсказчикъ взялъ бумагу со стола), пробѣжитъ ее этакимъ манеромъ (разсказчикъ медленно провелъ бумагой сверху внизъ), и готово: сейчасъ резолюція. И никогда ошибки. Удивительный былъ человѣкъ!». 3 апрѣля 1860 г. Салтыковъ былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Тверь. Перемѣну эту по службѣ многіе объясняютъ разными причинами, связывая ее обыкновенно съ назначеніемъ въ Рязань губернаторомъ вмѣсто Клингенберга Н. Н. Муравьева, брата Виленскаго [1]). Муравьевъ былъ нрава крутого, типичный представитель администраторовъ «добраго стараго времени», не терпѣвшій противорѣчія своимъ основнымъ взглядамъ, съ которыми Салтыковъ, судя по отзывамъ, часто расходился принципіально. Говорятъ, что въ концѣ концовъ онъ такъ и объявилъ ему, что «два медвѣдя въ одной берлогѣ жить не могутъ», а потому просилъ о переводѣ въ другую губернію, и что послѣдній былъ данъ ему по хлопотамъ самого Муравьева, который это получилъ въ видѣ награды къ пасхальнымъ праздникамъ. Какъ бы то ни было, но съ весны 1860 г. Рязань лишается Салтыкова на цѣлыя семь лѣтъ, вплоть до октября 1867 г. За семь лѣтъ М. Е. успѣлъ около двухъ лѣтъ прослужить въ Твери [2]), два года пробыть въ отставкѣ [3]) и въ ноябрѣ 1864 г. вновь вернуться на службу, но уже не по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ служилъ раньше, а по министерству финансовъ, которое назначило его сначала предсѣдателемъ пензенской казенной палаты, затѣмъ 11 ноября 1866 г. перевело на ту же должность въ Тулу и наконецъ въ октябрѣ 1867 г. въ Рязань. Очень вѣроятно, что попытка наша ознакомиться съ дѣятельностью Салтыкова въ рязанскихъ учрежденіяхъ подвинетъ изслѣдователей: тверской, пензенской и тульской старины совершить подобныя же экскурсіи въ свои архивы, какъ мы сдѣлали въ наши, и тогда, дастъ Богъ, Салтыковъ-чиновникъ будетъ изображенъ въ цѣльномъ видѣ. Покамѣстъ хотя отчасти облегчаю задачу гг. тульскихъ изслѣдователей, передавъ имъ, со словъ г. Лаппо, нѣкоторые эпизоды изъ жизни М. Е. въ Тулѣ. «Сколько помню, пишетъ намъ г. Лаппо [4]), во второй половинѣ 1866 г. стали часто поступать въ тульскую казенную палату предложенія губернатора и донесенія нѣкоторыхъ уѣздныхъ исправниковъ о нетождественности недоимокъ по неокладнымъ сборамъ съ сельскихъ обществъ съ свѣдѣніями полицейскихъ управленій, основанными на счетахъ сельскихъ управленій.

---

[1]) Новый губернаторъ вступилъ въ должность 30 сентября 1859 г. (Архивъ, № 636).

[2]) Онъ назначенъ 3 апрѣля 1860 г., вступилъ въ должность 25 іюня того же года, вышелъ въ отставку 9 февраля 1862 г.

[3]) По 6 ноября 1864 г.

[4]) Онъ служилъ начальникомъ отдѣленія въ тульской казенной палатѣ.

Такихъ бумагъ набралось довольно значительное количество. Пришлось разбирать путаницу на мѣстахъ черезъ чиновниковъ особыхъ порученій. Дѣло было сложное и требовало времени. Къ пріѣзду Салтыкова работы нѣсколько подвинулись впередъ, но Шидловскій (губернаторъ) настаивалъ скорѣе покончить разборъ недоимокъ, о чемъ сказалъ Салтыкову при первомъ свиданіи съ нимъ въ концѣ декабря 1866 года. Салтыковъ немедленно потребовалъ къ себѣ всѣ донесенія чиновниковъ особыхъ порученій вмѣстѣ съ докладами палаты, которыми разсмотрѣны были нѣкоторыя изъ сихъ донесеній. Ему подали все, что было налицо, нѣкоторыя же донесенія чиновниковъ особыхъ порученій находились у губернатора, по требованію его, для сличенія ихъ съ полученными имъ рапортами исправниковъ. Дня черезъ два или три Салтыковъ принесъ въ палату прочитанныя имъ бумаги; по тѣмъ изъ нихъ, которыя еще не были разсмотрѣны, самъ написалъ распоряженія объ исправленіи ошибокъ и затѣмъ слѣдилъ за исправленіемъ ихъ по книгамъ казначействъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остался недоволенъ, что донесенія чиновниковъ особыхъ порученій доставляются губернатору, говоря, что разбирать, или, по выраженію его, «выширать», всю путаницу лежитъ на обязанности палаты, о чемъ и сказалъ Шидловскому. Мѣсяца черезъ два или три весь разборъ недоимокъ былъ конченъ, но за это время неоднократно были посылаемы губернаторомъ жалобы министру финансовъ на допускаемую будто бы палатою медленность, такъ что иногда приходилось въ одинъ и тотъ же день отвѣчать по тремъ или четыремъ жалобамъ губернатора. Писалъ всѣ эти объясненія самъ М. Е., изрѣдка за недосугомъ поручая составленіе ихъ кому либо другому. Вообще это время было самое тревожное и для Салтыкова, и для близкихъ ему лицъ, больше изъ-за личностей, а не изъ-за дѣла. Такъ продолжалось до перевода М. Е. въ Рязань, въ октябрѣ 1867 г.; съ отъѣздомъ его все умолкло, и палата вдругъ сдѣлалась исправной по отзыву Шидловскаго. Это я хорошо помню, ибо почти мѣсяцъ послѣ Салтыкова прослужилъ въ Тулѣ, при преемникѣ его Щепкинѣ». Такимъ образомъ тѣ же самые мотивы, что и въ Рязани, были причиною его ухода изъ Тулы: нелады съ губернаторомъ. Отъѣздъ Салтыкова изъ Тулы былъ искренно оплаканъ его сослуживцами. «Частыя, почти ежедневныя служебныя сношенія съ М. Е., говоритъ г. Лаппо, оставили во мнѣ воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ серіозной мысли и труда, неподкупной честности, быстро обнимавшемъ всякое дѣло и умѣвшемъ въ сжатой формѣ правильнымъ языкомъ изложить сущность его; но онъ бывалъ угрюмъ, рѣзокъ, раздражителенъ, иногда не сдержанъ въ выраженіяхъ, когда бумаги подавались небрежно и неграмотно составленными, иногда приходилось ему имѣть дѣло съ грязными личностями, вообще въ сихъ случаяхъ какая либо любезность отсутствовала, или, по его мѣткому

выраженію, «не составляла его спеціальности», отчего онъ имѣлъ много враговъ тайныхъ и явныхъ въ разныхъ сферахъ, больше къ высшемъ кругу, на что, впрочемъ, мало обращалъ вниманія». Работникъ онъ былъ недюжинный, это мы не разъ уже доказывали. «Работалъ М. Е. много и чрезвычайно быстро, вникая во всѣ отрасли управленія; каждую бумагу читалъ отъ начала до конца [1]); если при чтеніи доклада, изъ числа большого количества ихъ, подаваемаго ежедневно, онъ встрѣчалъ какое либо сомнѣніе, то писалъ на поляхъ свою традиціонную замѣтку: «къ объясненію»; если объясненіе удовлетворяло его, то утверждалъ докладъ, или писалъ: «въ журналъ», для подписи перебѣленнаго доклада всѣми членами присутствія; если же объясненіе было неудовлетворительно, то онъ высказывалъ свое заключеніе, какъ нужно составить бумагу, а иногда и самъ писалъ. Заключенія его всегда были основательны, такъ что принимались безъ возраженія. Мало того, при обзорѣ разныхъ отчетныхъ вѣдомостей, умѣлъ какимъ-то чутьемъ, прежде прокладки, находить невѣрность итоговъ. Бывало читаетъ цифры и вдругъ говоритъ: «а тутъ что нибудь да не такъ». Прокладываютъ цифры, и дѣйствительно оказывается ошибка». И такъ Салтыковъ вернулся въ Рязань послѣ семилѣтняго отсутствія. Что же онъ въ ней дѣлаетъ? Вопросъ этотъ наивный по отношенію къ другому лицу?—что въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлать человѣкъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ,—по отношенію къ Щедрину не кажется ничуть страннымъ. Съ обычной своей энергіей взялся онъ за дѣло, и по выраженію очевидцевъ «все вдругъ закипѣло». Однако, прежде чѣмъ заняться службой, пришлось ему позаботиться... о жильѣ, т. е. о квартирѣ. Любопытная исторія эта занимаетъ всего три страницы официальной переписки, и читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ, если мы на минуту остановимъ на ней его вниманіе. Дѣло въ томъ, что по закону управляющему рязанскою казенною палатою при казенной квартирѣ не полагалось вовсе суммъ на отопленіе, ремонтъ построекъ, содержаніе въ чистотѣ двора и пр. Салтыковъ, пріѣхавъ, не могъ помириться съ такимъ положеніемъ, лично составилъ бумагу въ министерство и послалъ ее въ Петербургъ. Вотъ ея содержаніе: «По званію управляющаго тульской казенною палатою, писалъ онъ 16-го ноября 1867 г., я получалъ квартирныя деньги въ размѣрѣ 850 р. въ годъ, и этой суммы мнѣ было достаточно, какъ для найма квартиры, такъ и для отопленія ея. Съ переводомъ на соотвѣтствующую должность въ Рязань, я, вмѣсто квартирныхъ денегъ, пользуюсь казенной квартирой, или, лучше сказать, весьма обширнымъ казеннымъ домомъ, при чемъ не присвоено никакихъ суммъ ни на отопленіе его, ни на содержаніе въ чистотѣ двора и пр. Судя по дороговизнѣ въ

[1]) Сравни съ предыдущимъ.

Рязани дровъ, издержки на этотъ предметъ, а равно и на другіе мелочные на содержаніе дома расходы, могутъ простираться до 500 р. въ годъ, каковая сумма и должна лечь довольно чувствительнымъ вычетомъ на получаемое мною по должности содержаніе (2400 р. въ годъ). Донося о семъ вашему превосходительству, имѣю честь испрашивать, не изволите ли признать возможнымъ ассигновать въ распоряженіе мое или рязанской казенной палаты необходимую сумму, какъ на отопленіе занимаемаго мною казеннаго дома, такъ и на мелочные по содержанію его расходы». На это представленіе департаментъ государственныхъ имуществъ отвѣчалъ слѣдующее [1]: «Вслѣдствіе ходатайства вашего превосходительства, о назначеніи особой суммы на отопленіе занимаемаго вами казеннаго дома, департаментъ государственнаго казначейства поручаетъ вамъ сообщить сему департаменту, въ возможной скорости, свѣдѣнія о томъ, изъ какого именно источника производился таковой расходъ до настоящаго времени». Судя по отвѣту, данному департаменту тутъ же на поляхъ бумаги, видно, что Салтыковъ разсердился. Вотъ его отвѣтъ: «на предложеніе отъ 14-го февраля настоящаго года донести, что расходъ на отопленіе дома, занимаемаго управляющимъ рязанскою казенною палатою, производился и производится до сего времени на счетъ собственныхъ средствъ управляющаго» [2]). Тѣмъ дѣло и кончилось. Салтыкова вскорѣ перевели, а преемникъ его не возбуждалъ болѣе такого вопроса. Резолюція отъ 19-го ноября 1869 г. гласитъ, что дѣло это, «какъ не требующее болѣе производства, изъ числа текущихъ исключить» [3]). «Въ Рязани, однако, М. Е. было гораздо спокойнѣе,— сообщаетъ тотъ же г. Лаппо, послѣдовавшій за нимъ изъ Тулы,— его озабочивалъ здѣсь разборъ неокладныхъ недоимокъ на счетъ могущихъ быть виновныхъ, т. е. суммъ, выданныхъ разнымъ чиновникамъ на уплату прогоновъ и суточное содержаніе съ тѣмъ, что лица, оказавшіяся виновными по суду, или наказанныя административнымъ порядкомъ, обязаны уплатить издержки казны. Такихъ отдѣльныхъ статей набралось съ давняго времени громадное количество, а перепискъ о нихъ съ судебными мѣстами, равно и съ

---

[1]) Отношеніе за № 3138 отъ 14 февраля 1868 г.

[2]) Исполнено 19 февраля 1868 г., № 29.

[3]) Можетъ быть, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ нужно поставить вообще стѣсненное положеніе Салтыкова въ денежномъ отношеніи. Отъ перваго пребыванія его въ Рязани остались за нимъ кое-какіе долги, повидимому, образовавшіеся отъ поручительства за кого нибудь. По крайней мѣрѣ, изъ переписки тульской и рязанской казенныхъ палатъ усматривается, что «въ удовлетвореніе претензіи подполковника Александра Александрова Ляпунова съ поручика Петра Өедорова Измайлова по заемному письму», съ д. с. с. Михаила Евграфовича Салтыкова причитается «распоряженіемъ правительствующаго сената» 212 р. 5 к., въ пополненіе коихъ удержано до сихъ поръ 108 руб. 89 коп., остается получить 103 р. 16 к.

административными не было, а если и были переписки, то въ какомъ-то хаотическомъ состояніи. Кромѣ того, было большое количество статей тоже давняго времени, такъ называемыхъ не разъясненныхъ суммъ, записанныхъ въ депозитъ казенной палаты, слѣдовательно нужно было по каждой статьѣ вести переписку для разъясненія вопроса, къ какому роду доходовъ казны или комитета призрѣнія заслуженныхъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства подлежатъ эти капиталы, или наконецъ они должны были быть выданы частнымъ лицамъ». Г. Лаппо добавляетъ, что разборъ всего этого начался при дѣятельномъ участіи Салтыкова, но такъ какъ онъ былъ въ Рязани недолго, до іюня 1868 г., а дѣло было во всякомъ случаѣ сложное по количеству, а иногда, собственно по депозитамъ, и по качеству, то оно кончено много спустя послѣ него, при премникѣ М. Е., И. Д. Фефеловѣ. Къ сожалѣнію, это былъ всегдашній, повидимому, удѣлъ Салтыкова, какъ случайнаго гостя служебныхъ учрежденій: распутать, разъяснить, помочь, а затѣмъ уйти, предоставивъ другимъ вѣнчать дѣло. Передъ нами исторія о пропажѣ денегъ въ михайловскомъ казначействѣ. Суть этого дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Въ 1867 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія Салтыкова управляющимъ рязанской казенной палатой, хранившійся въ михайловскомъ казначействѣ денежный ящикъ резервнаго экадрона 2-го лейбъ-уланскаго его величества полка «неизвѣстно гдѣ пропалъ» и, что всего страннѣе, обнаружилъ пропажу самъ казначей со своими служащими. Началось слѣдствіе; собственно прямыхъ уликъ не было ни противъ кого. Подозрѣвался канцелярскій чиновникъ Соколовъ, казначей Кротковъ, бухгалтеръ Ковреинъ, но подозрѣнія эти, основывавшіяся большею частью на частныхъ слухахъ и показаніяхъ свидѣтелей и самихъ обвиненныхъ, часто противорѣчивыхъ, скорѣе запутывали слѣдствіе, нежели помогали ему. Не лишено интереса и участіе въ немъ Салтыкова. Онъ засталъ слѣдствіе почти заключеннымъ, подводившимъ, такъ сказать, итоги. Слѣдуетъ замѣтить, что съ момента возникновенія въ судебныхъ мѣстахъ подозрѣнія, лица, замѣшанныя въ дѣлѣ, были немедленно отстранены отъ должности. Въ числѣ первыхъ попалъ Соколовъ. Возникъ вопросъ объ аттестатахъ уволеннымъ. Михайловское уѣздное казначейство не встрѣчало препятствій въ выдачѣ Соколову аттестата и сообщило объ этомъ палатѣ. Здѣсь случилось недоразумѣніе, характерное для Салтыкова. Отзывъ казначейства представили ему одновременно съ проектомъ аттестата Соколову, при чемъ мотивъ увольненія объясняли такъ: «уволенъ вслѣдствіе отношенія г. судебнаго слѣдователя». Разсердился М. Е. и крупнымъ почеркомъ своимъ написалъ онъ поперекъ бумаги: «Когда уволенъ и какимъ образомъ? Зачѣмъ пишете аттестатъ, когда я еще не утверждалъ черновоrо? Совсѣмъ не вслѣдствіе отношенія судебнаго слѣдователя уволенъ». И, испра-

вивъ неточность, собственноручно надписалъ: «безъ прошенія» [1]). Вообще дѣло, повидимому, его сильно интересовало, хотя съ другой стороны медленность и ошибки слѣдствія, тщетно плутавшаго въ потемкахъ, его раздражали и возмущали. Это замѣтно въ предписаніи михайловскому казначею отъ 25 ноября 1867 года. Вотъ что писалъ М. Е. собственноручно: «Имѣя въ виду, что въ настоящее время производится въ Михайловѣ слѣдствіе о пропажѣ въ ввѣренномъ вамъ нынѣ казначействѣ [2]) казеннаго ящика съ деньгами, принадлежащими резервному эскадрону лейбъ-уланскаго Курляндскаго его величества полка, и что результаты этого слѣдствія доселѣ были весьма неудовлетворительны, предписываю вашему высокородію оказывать всевозможное содѣйствіе къ раскрытію сего дѣла, и буде вамъ сдѣлаются извѣстными какія либо обстоятельства, относящіяся до онаго, то немедленно доводить о томъ до свѣдѣнія, какъ судебнаго слѣдователя, производящаго слѣдствіе, такъ и казенной палаты. При чемъ не оставьте внушить и подвѣдомственнымъ вамъ чиновникамъ всемѣрно стараться объ открытіи виновныхъ, предваривъ ихъ, что такъ какъ похищеніе было совершено почти явно, то я съ своей стороны долженъ буду въ случаѣ дальнѣйшаго нераскрытія этого дѣла принять мѣры, чтобы подобные случаи не повторялись, и чтобы составъ канцеляріи казначейства былъ болѣе осмотрительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю вамъ донести, находите ли вы подъ личною вашею отвѣтственностью возможнымъ оставить на службѣ помощника бухгалтера Ѳедорова и двоихъ присяжныхъ Емельяна Егорова и Филиппа Иванова, служившихъ въ казначействѣ во время нахожденія ящика». Казначей отвѣчалъ коротко, что оставить названныхъ лицъ на службѣ казначейства онъ находитъ вполнѣ возможнымъ. Вопросъ этотъ былъ вполнѣ своевременъ, такъ какъ прошло не болѣе 1½ мѣсяца, какъ судебный слѣдователь оффиціальной бумагой просилъ казенную палату уволить названныхъ Егорова и Иванова, «дежурившихъ» въ день совершенія преступленія и такимъ образомъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ. Салтыковъ, недавно столь грозный, теперь заступился за «маленькихъ» и въ пространной бумагѣ товарищу прокурора излагалъ свое мнѣніе. Вотъ что писалъ онъ (собственноручно) 16 января 1868 года: «Изъ присланнаго вашимъ высокородіемъ отношенія судебнаго слѣдоватемя Пронскаго у., г. Климова, отъ 13 января за № 26 видно, что г. Климовъ находитъ полезнымъ увольненіе отъ должности присяжныхъ михайловскаго уѣзднаго казначейства Ульяна Степанова Егорова и Филиппа Иванова по тѣмъ соображеніямъ, что они были дежурными въ казначействѣ 20 мая, то-есть въ тотъ день, когда похищенъ былъ денежный ящикъ, принадлежащій 2-му эскадрону уланскаго

---

[1]) Дѣло арх. каз. палаты, № 169, 1867 г.

[2]) Уволеннаго Кроткова смѣнилъ нѣкій Ивановъ.

Курляндскаго полка. Разсматривая обстоятельства этого дѣла, казенная палата съ своей стороны находитъ: 1) что производившiй дѣло о похищенiи этого ящика судебный слѣдователь г. Погодинъ ни разу не требовалъ увольненiя означенныхъ двоихъ присяжныхъ. Напротивъ того, по его требованiю, были удалены совсѣмъ другiе два присяжныхъ, а именно Иванъ Степановъ и Вуколъ Плаксинъ, не бывшiе въ тотъ день дежурными въ казначействѣ. Вслѣдствiе того же судебный слѣдователь.... увѣдомилъ палату, что онъ не находитъ препятствiй къ опредѣленiю вновь на должность присяжныхъ означенныхъ Степанова и Плаксина, но палата уже не имѣла возможности это исполнить, потому что на мѣсто ихъ были приняты въ казначейство другiе присяжные; 2) со времени похищенiя ящика изъ михайловскаго казначейства прошло уже болѣе 8 мѣсяцевъ, такъ что является сомнѣнiе въ полезности удаленiя Егорова и Иванова для успѣха дѣла; 3) (слѣдуетъ ссылка на запросъ михайловскаго казначея относительно Егорова и Иванова и отвѣтъ его управляющему), и 4) устраненiе присяжныхъ уѣзднаго казначейства отъ должности на время закономъ не допускается, а увольненiе ихъ влечетъ за собой большой для увольняемыхъ ущербъ, такъ какъ присяжные получаютъ черезъ каждыя 5 лѣтъ добавочное содержанiе, котораго они въ случаѣ принятiя вновь на службу должны лишиться; такимъ образомъ и уволенные по требованiю судебнаго слѣдователя Погодина Степановъ и Плаксинъ могутъ быть приняты вновь на службу уже безъ сохраненiя того добавочнаго оклада, который они получали. Принимая все это въ соображенiе, казенная палата имѣетъ честь покорнѣйше просить ваше высокородiе снестись съ г. судебнымъ слѣдователемъ Климовымъ, дѣйствительно ли признается нужнымъ для пользы дѣла удаленiе присяжныхъ Егорова и Иванова, при чемъ присовокупляетъ, что ежели эта мѣра совершенно необходима, то г. Климовъ можетъ снестись о томъ съ г. михайловскимъ уѣзднымъ казначеемъ, которому дано по сему предмету предписанiе». Но, вѣроятно, мѣра была признана прокурорскимъ надзоромъ «для пользы дѣла» не обязательной, такъ какъ дѣло этимъ и закончилось. Въ заключенiе скажемъ, что слѣдствiе, продолжавшееся чуть ли не до 1870-хъ годовъ, окончилось преданiемъ Соколова, Кроткова и Ковреина суду, который всѣхъ ихъ оправдалъ. Но это было уже очень долго спустя послѣ отъѣзда Салтыкова изъ Рязани. Нельзя также обойти молчанiемъ случай съ помощникомъ бухгалтера скопинскаго уѣзднаго казначейства Кедровымъ [1]).

Кедровъ усиленно манкировалъ службой, большею частью послѣ получки мѣсячнаго жалованья. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ его поведенiе скопинскiй казначей, хотя слѣдуетъ замѣтить, что рапорты послѣдняго (а писалъ онъ ихъ много) кажутся читателю

[1]) Дѣло № 141, 1868 г.

довольно пристрастными, да и вообще все дѣло отзывается личностями. Тѣмъ не менѣе, когда казначей офиціально жаловался на своего подчиненнаго, нельзя было пропустить этотъ фактъ безъ вниманія. И вотъ губернское начальство требуетъ отъ Кедрова объясненій по дѣлу. Кедровъ оправдывается: онъ работаетъ, трудится на пользу отечества, а начальство «къ большому его сожалѣнію» не относится къ нему какъ слѣдуетъ и за что-то преслѣдуетъ его. Въ заключеніе онъ проситъ, какъ милости, перевести его въ другое казначейство. Объясненія сопровождаются бумагой самого казначея, еще разъ подтверждающаго сущность всѣхъ обвиненій, взводимыхъ на помощника бухгалтера. Характерна собственноручная резолюція Салтыкова скопинскому уѣздному казначею: «По разсмотрѣніи рапорта за № 866 я могу повторить только то, что уже было высказано мною при внезапной ревизіи въ семъ мѣсяцѣ суммъ и счетоводства скопинскаго уѣзднаго казначейства, т.-е. внушить г. Кедрову, что ежели съ нимъ будутъ періодически послѣ каждаго полученія жалованья возобновляться болѣзненные припадки, то онъ будетъ уволенъ отъ должности». Но Кедровъ, по словамъ скопинскаго казначея, продолжалъ себя вести, какъ раньше, даже хуже прежняго. Онъ почти вовсе пересталъ ходить въ казначейство. Дѣло вновь поступило на разсмотрѣніе М. Е. Изъ переписки видно, что существовало два рѣшенія этого вопроса. Одно рѣшеніе останавливалось на причисленіи Кедрова къ палатѣ въ качествѣ канцелярскаго чиновника, другое поступало радикальнѣе, т.-е. увольняло его вовсе отъ службы. Съ боку на поляхъ бумаги кто-то написалъ карандашомъ: «Михаилъ Евграфовичъ, обстоятельство это предоставляется вашему усмотрѣнію». Предпочли второе рѣшеніе. Между тѣмъ Кедровъ вошелъ съ рапортомъ, въ коемъ просилъ перевести его на мѣсто пронскаго помощника бухгалтера, который на это перемѣщеніе изъявляетъ свое согласіе. Дѣло вновь измѣнилось: отставку пріостановили, а вмѣсто того написали въ Пронскъ о желаніи Кедрова обмѣняться мѣстомъ съ другимъ чиновникомъ. Отвѣтъ получился неожиданный: «если прежній чиновникъ и изъявлялъ раньше согласіе обмѣняться мѣстами съ Кедровымъ, то теперь онъ раздумалъ, да и самъ пронскій казначей обмѣна этого не желаетъ». Увѣдомляя объ этомъ скопинское казначейство, рязанская палата предоставляла Кедрову искать себѣ мѣсто въ другомъ казначействѣ, «заявивъ объ этомъ палатѣ въ самомъ непродолжительномъ времени». Любопытнѣе всего, что въ концѣ-концовъ всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Помирился ли скопинскій казначей съ помощникомъ бухгалтера, или самъ помощникъ сталъ смирнѣе, но старожилы мнѣ разсказывали, что Кедровъ еще долго служилъ въ той же самой должности, нажилъ нѣсколько домовъ и послѣ смерти оставилъ наслѣдникамъ хорошее состояніе. О гуманности же Салтыкова онъ всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ...

Всѣмъ изложеннымъ исчерпывается пока все, что намъ извѣстно существеннаго о пребываніи М. Е. Салтыкова-Щедрина въ Рязани. Говорю—«существеннаго», такъ какъ попадающаяся въ массѣ разнообразная переписка его по текущимъ дѣламъ палаты и губернскаго правленія мало въ чемъ дополняетъ сказанное. Попадаются ли, напримѣръ, его циркуляры волостнымъ правленіямъ о содѣйствіи казенной палатѣ въ дѣлѣ наблюденія за правильностію торговли въ районѣ подвѣдомственныхъ имъ властей (см. прил. II), раньше, повидимому, изданныхъ для Пензенской и Тульской губерній, или разсматривается вопросъ, возбужденный однимъ изъ уѣздныхъ казначействъ, должны ли свидѣтельства на право торговли быть обложены 10% земскимъ сборомъ, — личность Салтыкова въ нихъ мало участвуетъ, по крайней мѣрѣ, не представляетъ ничего характернаго. Какъ сказали мы въ началѣ нашей статьи, онъ покидаетъ Рязань и службу, вообще, въ іюнѣ 1868 года. Рязань оставляетъ въ немъ пріятныя воспоминанія, хотя бы въ смыслѣ здоровья, которымъ онъ тамъ пользовался. «Я чуть живъ, — пишетъ онъ своему другу Н. Д. Хвощинской восемь лѣтъ спустя, въ октябрѣ 1876 г.,—послѣ погрома, нанесеннаго моему здоровью въ прошломъ году. Въ первый разъ въ жизни ощущаю полную апатію къ писательству. Поневолѣ вспомнишь Рязань, гдѣ всѣ уступки, дѣлаемыя разнымъ болѣзнямъ, заключаются въ томъ, что человѣкъ съ водки переходитъ на бургонское». Нѣсколько раньше онъ останавливается на бытовой сторонѣ рязанской жизни, поскольку эта жизнь отразилась въ литературной дѣятельности и Хвощинской. «Считаю нелишнимъ,—писалъ онъ 28 марта т. г.,—сообщить вамъ слѣдующіе факты: былъ въ Рязани нѣкто С. губернаторомъ [1])... Повидимому, вы коснулись его въ одномъ изъ вашихъ произведеній, а что касается меня, то я написалъ «Старую Помпадуршу», въ которой онъ не безъ основанія усмотрѣлъ m-me Б. Вотъ онъ и пишетъ теперь на васъ и на меня доносы, а васъ спеціально обвиняетъ въ томъ, что вы въ «Бѣгломъ» потрясаете семейственный союзъ. Когда я жилъ въ Рязани, то велъ себя рѣшительно, какъ разиня. Никакихъ фактовъ не собиралъ, а ежели что и зналъ, то перезабылъ. Не лишнее было бы разузнать: а) какимъ образомъ установилась связь С-ва съ П-вымъ, и б) таковая же связь съ Рыковымъ. Ежели есть и другіе факты изъ дѣятельности этого господина, тоже не мѣшаетъ привести въ извѣстность... Напишите, возможно ли выполненіе этой просьбы, и насколько». Неизвѣстно, какъ отнеслась къ этой просьбѣ Хвощинская; просьбу же свою Салтыковъ больше не возобновлялъ.

[1]) Стремоуховъ.